

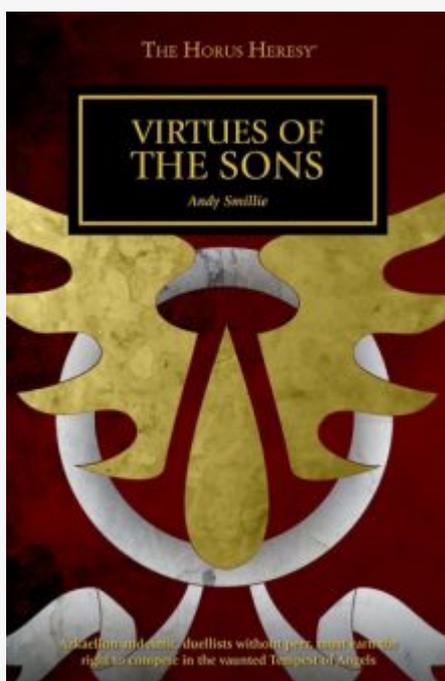
Добродетели сынов / Virtues of the Sons (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Добродетели сынов / Virtues of the Sons (рассказ)

Автор	Энди Смайли / Andy Smillie
Переводчик	Йорик
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Нет войне конца / War Without End
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

- Плохие из нас отцы, брат, - говорю я, глядя на скрытую бронёй спину Гора. Внимание моего брата разделено, он, как и всегда, разрывается между ролями примарха-отца легиона и боевого командира. Гор стоит во главе временного зала военных собраний, сверля глазами висящий на стене огромный

гололит.

- С чего бы? - спрашивает он, не оглядываясь.

- Отцовский долг - наставлять сынов, направлять их на путь истинный.

Тогда Гор оборачивается, и я впервые за несколько месяцев вижу его лицо. Лоб избородили свежие морщины, а глаза сузились от бремени, которое мои слова облегчить не могли.

- Взгляни, чего добились наши легионы, - говорит Гор, показывая на гололит. В этот момент передо мной гордый отец, защищающий своих сыновей. На экране проступают и уносятся прочь подробности тысячи войн в сотне звёздных систем. Вытканый из них гобелен информации и тактических данных повествует о неуправляемой мощи наших детей, способных сокрушить любое, даже самое яростное сопротивление и завоевать миры. - Сколь много бы они добились без нашего руководства?

Он вновь командир. Я улыбаюсь, думая, замечает ли брат мгновения, когда сменяются его роли, и качаю головой.

- Нет. В такой логике есть изъян. Наши сыны рождены для войны, этому мы их не учим. Сражаясь во имя нас и нашего отца, они действуют из повиновения, из долга и чести. Мы используем их как инструменты для своих целей, но чему мы их учим?

- Смогли бы мы научить их быть чем-то иным?

- Будь мы лучшими учителями, то смогли бы помочь Пертурабо принять своё место или облегчить разум Лоргара. Мы смогли бы направить Ангрона и дать Кёрзу душевное равновесие. Наши изъяны как отцов вдвойне отражены в наших неудачах как братьев.

- Нет, - голос Гора твёрд как сталь, а его решимость непоколебима. - У каждого из нас есть предназначение. Император знал это и предусмотрел. Все мы - мечи или щиты, нужные в Его замыслах.

- Но разве не приходится брошенным на арену воинам сражаться и мечами, и щитами?

- Дело не в оружии, брат, а в мастерстве, с которым его используют.

- Вот именно, брат, но все мы знаем лишь один путь, по которому и направляем свои силы.

- Что тревожит тебя, Сангвиний? - Гор обращается ко мне так же, как я обращаюсь к своим капитанам, скрывая узы братства за маской ответственности и воли.

- Ничего, - лгу я.

Я не рассказываю брату о своих видениях, о дворце Императора, сжигаемом неестественным пламенем. Не рассказываю о своих кошмарах, о страхе, что мой легион утонет в собственной проклятой крови. Да и о чём говорить? Я не могу представить ни врага, который нападёт на Святую Терру, ни катализатора, который отправит всех моих сынов до единого в пасть безумия.

Я надеялся, что из всех братьев смогу поделиться сомнениями хотя бы с Гором, но чувство внезапного одиночества заставляет меня умолкнуть.

- Просто праздные раздумья, - я отворачиваюсь и выхожу из зала.

И память о видении следует за мной. Он было похоже на предвиденье изъянов, на поучительную

историю о том, что нельзя полагаться лишь на свои сильные стороны. Видение говорило о моих сынах и их неудачах. На последней Буре Ангелов – ритуальном поединке, чья традиция восходит к далёким и забытым временам Ваала – я пытался научить своих самых непохожих детей подобию равновесия. Но на вершине дуэльного камня, забыв обо всём, кроме жизни и смерти, они не вняли моим учениям.

Я вздыхаю.

Истинное знание приходит лишь тогда, когда его приносят перемены обстоятельств, ведь мы, самовлюблённые существа, цепляемся за свои привычки, словно свергнутые короли за руины сгоревших владений. Эту поговорку я запомнил ещё в детстве, услышав её от первых старейшин. Слова впиваются в меня, словно гвозди. От гнева сжимаются кулаки. Амит и Азкаэллон – вот мои меч и щит. Но им надлежит стать чем-то большим, скрестив клинки с сынами моих братьев.

Я научу их важности уроков прежде, чем грянет новая Буря.

Азкаэллон

На Генвинке всегда идут дожди. Всю планету захлёстывает непрерывным ливнем, превратившим континенты в топкие болота, а терзающие моря бури бьют по утёсам. Противник прячется в ядре планеты. Завтра наши роты опустятся в глубины этого мира и принесут врагу возмездие Императора. Сегодня мы стоим на палубе из стали и адамантия, на вершине огромной платформы, стойко стоящей на пути грозных волн. Я снимаю шлем и чувствую на коже капли дождя. Мгновенно промокнув насквозь, волосы прилипают к затылку.

- И где же остальные твои воины, Азкаэллон? – мой соперник показывает на пятерых Сангвинарных Стражей, сопровождающих меня. Это Люций, величайший мастер клинка во всём Третьем легионе. Лицо его благородно и аристократично, а прибитые бурей волосы непокорно хлещут по ветру. Он выглядит так, словно рождён для поединков, но всю красоту Люция портит замаравшая лицо презрительная усмешка.

- О, мне не нужно столько зрителей, как тебе, – отвечаю я, показывая на тысячу легионеров, Детей Императора, стройными рядами стоящих на той стороне.

- Твои воины ведь всё равно услышат о поражении, – в улыбке Люция много ехидства, но нет тепла и искренности.

И у него есть причины для такой самоуверенности. На лице Люция нет ни одного шрама, что редкость для космодесантников, а тем более для воинов, сражавшихся в сотнях поединков. Я спокойно смотрю ему в глаза.

- Лишь глупец хвалится победой, которую ещё не одержал.

- Возможно, – недовольно кривится Люций от моих слов. – Думаю, что и простым солдатам иногда выпадает счастье, – он шагает вперёд нарочито развязно, никуда не спеша, и обнажает меч. – Но не жди его сегодня, Ангел.

Его оружие совершенно. Это узкий и долгий меч с обвитой проволокой рукоятью, более длинной, чем я мог бы ожидать от такого клинка. Он улыбается, видя, что я изучаю оружие, и эффектным взмахом

поднимает его клинком вверх.

- Он сделан под старину. Длинная рукоять позволяет мне менять хватку, - Люций показывает, как, легко переходя на двуручный хват, а затем обратно. Я хмурюсь. Люций - *нарцисс* среди легиона перфекционистов. Он бьёт эфесом меча по закреплённому на левой руке боевому щиту, - Теперь, если не возражаешь, начнём же.

- До первой крови, - я обнажаю саблю с широким клинком и эфесом тех же цветов золота и меди, что и мои доспехи.

- Как пожелаешь. До первой крови, - насмешливо кланяется Люций, начиная обходить меня. Он идёт важно, всем своим видом показывая небрежность и безразличие. Он играет на публику и язвит, перебрасывая меч из руки в руку, глядя то на рукоплещущих Детей Императора, то на меня, словно вспоминая, что здесь есть и его соперник. Но это лишь представление. При всей своей манерности он не делает ни единого небрежного шага, ни на пядь не углубляется на дистанцию удара, никогда не отводит в сторону клинка.

Для Люция это не игра.

Я стою на месте. Мне некуда спешить. В отличие от многих своих братьев, я не скор на... восторженный гнев. Я привык к терпению, необходимому, чтобы защищать отца - воителя, которому вряд ли когда-нибудь потребуется моя защита. Но надменный Люций не привык терпеть.

Проходят ещё десять ударов сердец.

Дети Императора начинают уставать от ожидания, ликующие крики и насмешки сменяются скучающим молчанием. Люций прищуривается, заметив это.

- Я был готов дать тебе ударить первым, дать возможность сразиться на равных перед поражением. Но... - он останавливается, и насмешливая улыбка вновь появляется на его лице... - эта ночь не будет длиться вечно.

Он атакует.

Я вижу лишь проблески движения меча, клинок мелькает, словно бесплотная тень. Но его укусы жалят. Мне удаётся лишь отвести спешными блоками выверенные удары, защищая саблей открытое лицо. Десяток раз Люций царапает мои доспехи. Если бы он пролил хотя бы каплю крови с моей щеки, то поединок бы завершился.

И с каждой царапиной Дети Императора ликуют. Они кричат и бьют сабатами в унисон с аплодисментами по стальной палубе платформы. Люций медлит.

- Мне приятно, что у тебя есть хоть какие-то задатки мастерства. Какое удовольствие от лёгких побед?

Я морщусь и делаю вид, что устал, стараясь дышать быстро и резко, словно задыхаюсь. Люций попадает на наживку, и делает шаг вперёд, готовя удар в опорную ногу. Но он слишком самоуверен. Я игнорирую его блеф и парирую клинок, летящий к моему лицу, а затем ударяю в ответ, схватив саблю обеими руками и метя в его живот. Для парирования мы слишком близко. Он петляет, принимая удар, лишая его замаха и встречает боевым щитом. Мой клинок вздрагивает, пробивая вдоль щита длинную борозду. Я кручусь и меняю хватку, а затем ударяю клинком назад.

Ничего. Я недостаточно быстр. Люций уже выскочил из зоны замаха.

- Да, давай же устроим им представление! - он разводит руками, указывая на толпу, но глаза его прищурены, а кровь кипит под напускным самодовольством.

- Кузен, твой голос меня утомляет, - рычу я. - Давай закончим всё молча.

И тогда я вижу это. Уродливый, горделивый гнев, бурлящий под внешне безмятежной маской мастера клинка. Люций крутит в руке меч, и пустая улыбка вновь рассекает его щёки.

- Мы ведь не на войне, братец, почему бы нам не насладиться этими мгновениями?

- Люций, я вижу самую твою суть... - при этих словах его лицо суровеет, и уголки глаз вздрагивают от гнева. - Твоя безмятежность - клинок, закутанный в шелка. Ты напоминаешь мне моего брата, Амита, который так же переполнен злостью. Но ему хватает отваги принять её.

- Расчленителя?! - Люций словно выплёвывает это слово. - Я совсем не такой!

Я не слушаю его возражений. Отвага. Странно, что именно это слово вспомнилось мне при мысли о характере Амита. Но мой брат бы не разводил плясок. И теперь улыбаюсь я, представляя, как бы сражался Амит или, скорее, как бы он набил Люцию морду. Я почти слышу, как хрустит нос мечника, сокрушаемый ударами латных перчаток. Тяжёлые удары звенят в моём разуме, пока не начинают биться чаще сердца...

Я вижу, как Люций шевелит губами, но слышу лишь грохот в груди. Защита, стратегия боя, честь - всё это лишь тихий шёпот, исчезающий в рёве растущего гнева.

Рот Люция движется вновь. Я отвечаю рыком.

Он готовится атаковать, но я бью первым. Я бросаюсь вперёд, подняв саблю над головой. Он блокирует удар клинка, отводит обратный взмах и отходит в сторону, прочь от пинка. Я наступаю. Один стремительный горизонтальный взмах, другой - я меняю хват раз за разом. Моя внезапная ярость застаёт его врасплох. Он умеет и защищаться, но слишком держится за позицию, что позволяет мне подойти достаточно близко, так, что он не может замахнуться. Я больше его. Сильнее. Это мой шанс. Я выпускаю саблю и хватаю рукоять меча обеими руками. Притянув Люция к себе, я наношу сокрушительный удар головой. Но Люцию хватает ума пригнуться, и я кривлюсь, ударив лбом о его крепкий затылок. Кряхтя от натуги, я поворачиваю его и бросаю вместе с клинком через палубу.

- Это тебе не уличная драка! - в голосе Люция всё ещё слышна усмешка, но в глазах вскочившего на ноги мечника сверкает ярость. - Первая кровь - это первый порез клинком. Грубая сила не принесёт тебе победы.

Я наступаю.

- Ты ничего не забыл, Кровавый Ангел? - Люций ухмыляется, показывая острием меча на мои перчатки.

Я смотрю и вижу, что мои руки пусты. *Проклятая ярость - я оставил меч на палубе позади.* И в это мгновение я начинаю уважать то, как сражается Амит. Ведь потерять контроль и при этом продолжать владеть собой сложнее, чем кажется на первый взгляд.

- Это состязание окончено, - насмешливо говорит Люций.

- Тогда почему ты пятишься от меня, мечник?

Сквозь самодовольный вид проступает замешательство, но он не отводит глаз. Как я и ожидал. Люций слишком опытен, чтобы купиться на примитивный трюк. Но если бы он покосился через плечо, то понял бы, как близко подошёл к краю платформы. Мои слова сделали своё дело. Недолгие сомнения в мыслях Люция, мгновение, когда инстинкты заставили его пятиться, а не идти вперёд - вот и всё, что мне было нужно.

Я бросаюсь на мечника.

Когда я врезаюсь в него, то чувствую, как что-то рассекает щёку. Инерция столкновения сбрасывают нас через край. Мы оба летим вниз, и я сжимаю руками его пояс. А над нами хохочут и кричат Дети Императора, насмехаясь над падением своего чемпиона.

- Ты проиграл! - отчаянно, словно умоляя, кричит Люций, перекрикивая ветер.

- Я знаю.

Я улыбаюсь и развожу руки. Нас раскидывает в стороны. Я закрываю глаза и наслаждаюсь, чувствуя спокойные прикосновения дождя, несущего меня к морю. Да, Люций победил в поединке, но он жаждал другой победы. Восхищение, обожание и преклонение боевых братьев - вот за что он боролся. Когда нас подберут, порез на моей щеке уже исцелится, мгновение триумфа пройдёт. Его победу, как и всё остальное на планете, смоят океаны Генвинки.

Амит

Мы победили. Мы перебили врагов и вернули Императору ещё один мир. Я размял шею и повёл плечами. Меня ждал ещё один бой.

Я пригнулся, проходя под естественной аркой в расщелину, выдолбленную в скале.

Если у этой планеты и было имя, то мы так и не удосужились её узнать. Пусть этим занимаются люди, чьи дела не столь кровавы. Однако мы называли её Печью, что прекрасно подходило планете, чьи холмы высохли под безжалостным светом четырёх солнц. Я прошёл ещё шесть шагов. Если расщелину и можно было назвать прямой, то лишь потому, что она не петляла. Местами её сужали выступающие скалы. Неровные камни царапали наплечники, но трескались и падали под напором моего бронированного тела. В конце концов, я вышел к мелкому, почти круглому водоёму у подножия горы.

Кхарн ждал меня.

За его спиной хромал другой Пожиратель Миров в покрытых трещинами и выбоинами бело-голубых доспехах, почти валясь с ног, но заставляя себя идти к другой расщелине. Кхарн увидел, куда я смотрю, и улыбнулся.

- Это была разминка, - его улыбка была пустой, словно заполнявшей пробел между дёргающимися пальцами и цепляющим уголки глаз гневом, а голос звучал хрипло и гортанно. - Чтобы в ушах не звенела кровь, пока я ждал.

Он был прав. Я опоздал.

- Не мог прийти раньше, - ответил я, не извиняясь и глядя в глаза Кхарна. - Сержант Баракиил потребовал, чтобы я отдал ему право почётного поединка. И я дал ему возможность сразиться за неё.

- Как скажешь, - в голосе Кхарна, смотрящего на меня, не было угрозы. - Я знал, что в конце здесь сразимся мы.

Меня с ним связывало многое и раньше. По воле моего примарха мы бились друг с другом в бойцовых ямах «Завоевателя» в дни, когда вместе не сражались на поверхности этого мира в многомесячной войне. Мы убивали одних врагов, проливали кровь на одну землю. Я видел своё отражение в его тёмных глазах и неохотно признавался себе, что не только это нас объединяло. Мы видели друг в друге собственную жажду крови, гнев, похищающий всё остальное. По правде сказать, иногда нас можно было различить только по цветам доспехов. И даже сейчас мы были в равной мере напряжены. Мы были одинаково чужими в мирное время, пристрастившимися к войне, жаждущими знакомых объятий насилия.

- Возможно, что мы больше не встретимся вновь. Я бы не уступил никому возможности вновь схватиться с таким соперником.

- Немногие так охотно ждут встречи со мной, - усмехнулся Кхарн.

Склоны гор над нами были пусты. Это был наш бой, бой *для* нас. Его не увидят ни мои Кровавые Ангелы, ни его Пожиратели Миров.

- Значит, это будет подходящим концом для нашей встречи, - ответил я, а затем скривился. - Но здесь нет чести. Это не настоящий бой.

- Ты не разочаровываешь, Расчленитель, - Кхарн улыбнулся, и в этот раз улыбка была такой же настоящей, как и текущий по его виску пот.

Расчленитель.

Это имя редко звучало из уст тех, кто не относился к командованию легиона. Я был Кровавым Ангелом, капитаном, меня звали Амитом, и всё же - как и прочие слова - в сравнении с Расчленителем они казались не столь уместными.

- Да это и не бой, - продолжил Кхарн. - Поэтому давай выкуем собственную честь. Давай схватимся во плоти и крови. Сразимся как воины, а не символы чести или носители каких-то там титулов, - он ударил себя кулаком в грудь. Я кивнул. Мы оба молчали, снимая броню до комбинезонов, открывая шрамы, которые, словно толстые верёвки, оплетали наши тела.

- Выстоит лишь один, - наконец, произнёс я, продолжая глядеть на Кхарна.

- Как скажешь, - он кивнул и протянул руку.

Я шагнул вперёд и в воинском приветствии сжал его запястье. Мы будем сражаться до тех пор, пока один из нас больше не сможет подняться.

- Давай же выясним, чья кровь гуще - Ангела или Мясника! - при этих словах лицо Кхарна дёрнулось от бешенства, а мои сердца забились чаще.

Мы вместе подошли к стойке для оружия на краю ямы, оцетинившейся длинными клинками и древковым оружием. Тяжёлые дубины лежали рядом с шипастыми цепями, тычковыми ножами,

баклерами... Я выбрал короткий тесак. Его неровное лезвие затупилось, но клинок был тяжёлым и прочным. Это оружие не рубило и не рассекало. Оно крушило кости и разрывало плоть.

- Хороший выбор, - проворчал Кхарн, снимая со стойки топор и безыскусный молот. - Гораздо лучше, чем ножик, которым со мной дрался твой братец Азкаэллон.

- Ты никогда не увидишь во мне что-то от брата, - Я сдержал смешок, взяв длинную шипастую цепь, и обмотал её вокруг левого кулака. - Этот бой недолго будет идти на расстоянии взмахом клинков.

- Да, он будет жестоким и кровавым.

Вооружившись, мы встали в пяти шагах друг напротив друга.

Я видел лишь Кхарна.

Вой ветра, царапающего скалы ущелья, заглушал рёв крови, мчащейся по моим мускулам. Пальцы сжались вокруг оружия так, что побелели костяшки. Я сместил вес вперёд. Это всё, что я мог сделать, чтобы остаться на месте. Я представил первые мгновения схватки, как мой клинок отбросит топор Кхарна в сторону и ударит по его рукам. Я видел, как мои кулаки будут крушить его лицо. Я хотел бить его вновь и вновь. Слушать, как стучат мои сердца, как трещат его кости. Я ничего не хотел увидеть так сильно, как поверженного Кхарна.

Он взревел и бросился на меня. Я прыгнул вперёд, гортанно рыча. Я поднял вверх клинок, блокируя несущийся к моей шее топор. Оружия встретились с грохотом, отдача и дрожь прошла по руке. Сила Кхарна поражала. Я подался вперёд, когда его молот полетел к моему бедру. Резко ударил левой рукой вверх и скривился, когда мы столкнулись запястьями. Я обхватил рукой его плечо и дёрнул, бросая секач, а затем ударил локтем в челюсть. Он поднял руку, чтобы защититься, и зарычал, когда удар пришёлся в мясо его бицепса.

Забыв об оружии, мы колотили друг друга кулаками и ногами, борясь за превосходство.

Он ударил меня в нос головой, кровь потекла в рот.

Кулак врезался в его рёбра, хрустнули кости.

Его зубы впились в моё плечо.

Ударом лба я разбил ему зубы.

Мы держались, стояли под непрерывными ударами, перемазанные в крови, поте и слюне.

- Ты сдерживаешься, - зарычал Кхарн, сплёвывая кровавую слюну. - Дай мне всё.

- Как и ты, - ответил я, ударяя локтем в лицо.

- Я должен, - его кулак летел к моему правому глазу. - Когда меня захлёстывают Гвозди Мясника, я теряюсь. Пока они не насытятся, - Кхарн подтянул мою голову ближе ко рту и захрипел. Было слышно, как булькает во рту кровь. - А они никогда не насыщаются.

- Истинную ярость невозможно подделать. Она в крови, - и тогда, заглянув в глаза Кхарна, я понял, что ошибался. При всей своей злости мой гнев был частью меня, но ярость Кхарна была вынужденной, вымученной, оскорблением плоти. Его разум был не создан для таких испытаний. И тогда я увидел Кхарна, захлёстнутого его Гвоздями. Я видел это в слюне, текущей изо рта, в дёргающихся глазах,

словно лезущих из орбит. Моя левая нога подогнулась, когда Кхарн впечатал в неё свой удар. Он ударил вновь, и бедро вспыхнуло болью. Я зарычал и ударил его, метя в горло. Это дало мне время. Я застонал от боли, отбрасывая Кхарна, а затем отступил и восстановил равновесие.

- Ты... проиграл, - лицо надвигающегося Пожирателя Миров скривилось в усмешке. - С пути... *не уйти*. Мы должны двигаться дальше.

Я пошатнулся, когда его кулак ударил меня в ухо.

Он был прав. Преимущество в таком бою было у него.

Я пытался защититься от жестоких ударов ногами и руками, и руки уже болели от напряжения. Скоро я ослабею, и он разобьёт мне череп. Рот Кхарна открылся, он рычал, но я этого не слышал. Его крик заглушила ревушая в моей голове, сгущающаяся перед глазами кроваво-красная дымка.

Нет. Не эта битва заберёт меня.

Колено Кхарна врезалось мне в живот, выбивая воздух. Перед глазами всё поплыло. В лицо ударил свет солнц, золотое ослепительное сияние - цвет брони Сангвинарных Стражей Азкаэллона. При этой мысли я нашёл в себе силы улыбнуться. Мой брат никогда не побеждал меня в бою, но всякий раз переживал мою ярость.

Я бросился на Кхарна, уходя от удара, который мог сломать мне челюсть, и схватил его руками за шею. Он подался вперёд. Мы рухнули.

Даже падая, он продолжал меня колотить. Он рухнул на меня, придавив грудь ногами. Я закрыл руками лицо, отчаянно защищаясь от бешеных ударов кулаками и локтями, способных раскроить череп. С каждым ударом бешено колотящихся сердец он бил вновь и вновь. Я рычал от ярости, борясь со всеми своими инстинктами, требовавшими ударить в ответ. Если я сдвину сейчас руки, то умру. Он разобьёт мой череп о скалы так же неизбежно, как солнца потом запекут кровь. Я ждал, пока Кхарн бил, бил, бил...

Его гнев не был согласован. Левая рука не следовала за правой в экономии движения. Правая, правая, правая... Прореха между ударами становилась всё больше, пока его излюбленная рука уставала.

Кхарн бил. Я ждал.

Удар. Боль. Я ждал.

Поток нечленораздельных проклятий из глотки Кхарна. Новый удар. Я ждал.

Новый удар.

Ответ.

Я обхватил своей левой рукой его правой и прижал к его телу, навалившись всем весом. Мы покатались. В этот раз я оказался наверху. Сначала Кхарн и не заметил ничего. У меня была возможность ударить.

И я ударил. Ударил с такой силой, что оставил в челюсти вмятину, сломал кулак, и кровь потекла на скалы из черепа Кхарна. Вложил весь свой весь в удар локтя в лицо. Хрустнули кости. Я не обращал внимания на боль в рёбрах, содрогающихся от яростных ударов, когда схватил его голову двумя руками и впечатал в землю.

Кхарн замер. Я отполз в сторону.

Я слышал, как бьётся и течёт словно далёкая волна кровь в моих венах. Она требовала, чтобы я встал. Но я не мог.

- Ничья... - выдавил из себя я.

- Никакой... ничьей, - невесело и злобно расхохотался Кхарн. - Наш бой... не окончен.

- На сегодня окончен.

- Так закончи!

Но я молчал, закрыв глаза. *Я видел лишь Кхарна, и у Пожирателя Миров было моё лицо.*

Буря

Это был девятый день девятого месяца. Время Бури Ангелов настало. Я стоял в центре дуэльного камня и ждал своих сынов. Прошло больше года с тех пор, как я последний раз видел Амига и Азкаэллона, отправив их сразиться с Люцием и Кхарном. Я повернулся к двум статуям Императора, нависавшим над главной аркой зала. Между ними горела одинокая кроваво-красная свеча. Воск почти выгорел, и, когда свеча угаснет, начнётся Буря. Сто ударов сердца я смотрел на огонь, неподвижно горевший в застоявшемся воздухе. Он дрогнул лишь под конец. Я смотрел, как он мерцает и угасает. Пройдёт ещё мгновение, и свеча сторит. И в это же мгновение она вспыхнет ярче всего.

Тогда я подумал о своих сынах, и мой дух дрогнул, как и свеча. Я подумал о моих Ангелах и о ярости, с которой они сражались среди звёзд. Сколь долго пламя сможет сдерживать притаившуюся в их крови тьму? Дурные предчувствия вытягивали из меня силы, когда я размышлял о последних днях своих детей и ужасных разрушениях и утратах, которые тогда произойдут.

- Владыка Сангвиний.

Сильный голос Амига вырвал меня из раздумий. Я напомнил себе, что пламя продолжает гореть. Судьба моей родословной ещё не предрешена, и, если я стану лишь наблюдателем, то сейчас должен буду направлять своих сынов. Я обернулся и увидел, как Амит стоит под восточной аркой, неровным каркасом из тёмной меди и зазубренного железа. Он не кланялся и не салютовал, ведь в этом месте не было чести, лишь жизнь, смерть и мгновения, отделяющие одно от другого.

Он пришёл как Алчущий Крови. Нападающий, разрушитель. Несомненно, он был рождён для этой роли. Я вздохнул.

- Владыка Сангвиний.

Раздался с другой стороны зала голос Азкаэллона. Я не повернулся к нему навстречу. Он стал Спасителем. Моим защитником.

Я ощутил, как тяжелеет сердце, а руки сжимаются от гнева.

Я ошибся. Урок не пошёл впрок.

Они выбрали те же роли, которые играли всегда.

Я неподвижно стоял, пока они поднимались на дуэльный камень и готовили клинки. Я кивнул, повелевая им начать, и закрыл глаза. Я не хотел вновь смотреть на привычное зрелище. Я едва замечал, что происходит вокруг. Азкаэллон никогда не позволит Амиту ударить меня, а Расчленитель всегда будет пытаться. Мой разум блуждал, скользил по нитям раздумий, но тут...

В знакомых ударах ваальской стали, в фоновом шуме Бури, в которой я стоял долгие годы, что-то изменилось. В этот раз в скорости и ритме было нечто иное.

Изменение привычного хода боя.

Я открыл глаза, и увидел, как Амит оступился и подался назад под яростными ударами Азкаэллона. Я мысленно улыбнулся, видя, как Азкаэллон развивает успех всё новыми яростными взмахами меча. Но Амит держал себя в руках и парировал каждый удар, пока не нашёл брешь. Его атака была идеальной. Азкаэллон остановил клинок лишь тогда, когда он уже летел к моему животу. Я наблюдал с искренним интересом.

Но перерыв в привычном ритме боя был недолгим, и уже к следующей сшибке мечей они вернулись к своей истинной природе. Амит атаковал, не сдерживая гнева, жертвуя защитой ради возможности победы. Успокоившийся Азкаэллон сражался взвешенно и хладнокровно, не желая рисковать ради смертельного удара. Но бой шёл, и вновь и вновь, то тут, то там я видел в каждом из них проблески другого.

Я ошибался, думая, что они смогут изменить свои роли. Гор был прав - мы те, кто мы есть. Но мы можем смягчить, сгладить свои изъяны добродетелью братьев. И тогда я узнал надежду. Словно третье сердце она медленно билась в груди, ожидая возможности ускорить пульс, забиться чаще, обещая славное будущее.

Я видел слишком много возможных погибелей, чтобы верить, что меня и мою родословную ждёт прекрасная судьба. Но теперь груз уверенности не сокрушал меня, ведь когда придёт день, и мои сыны поддадутся тьме в своей крови, то, надеюсь, добродетели сражающихся вместе с ними удержат их в свете.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Добродетели_сынов_/Virtues_of_the_Sons_\(рассказ\)&oldid=20420](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Добродетели_сынов_/Virtues_of_the_Sons_(рассказ)&oldid=20420)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:35.